

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.6

EDN: OQQHOU

А. Н. МАЛИНКИН¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

СОЦИОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА ТЕХНИКИ Н.А. БЕРДЯЕВА. К 150-ЛЕТИЮ РУССКОГО МЫСЛИТЕЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается социальная философия техники Н.А. Бердяева, которую он позиционирует как персоналистически-социалистическую. Реконструируются ее основные положения, выявляются «метафизические и «социологические» аспекты. Показывается, во-первых, что к метафизике техники Бердяев относит критику современного представления человека о самом себе как *homo faber* или *toolmaking animal*, возникшего вследствие нарушения им вечного порядка ценностей и сотворения из техники кумира. Во-вторых, что, согласно Бердяеву, техника создает онтологически «новую действительность», которая, в свою очередь, определяет специфику современной «технической и экономической» эпохи. В-третьих, что христиански правильное, одухотворенное отношение человека к технике является необходимым и существенным элементом апокалиптической эсхатологии Бердяева. Социология техники трактуется русским мыслителем как социальная философия и философия истории. В их свете, с одной стороны, вскрываются культурно- и реально-исторические предпосылки возникновения «технической» эпохи — таковыми Бердяев считает, соответственно, гуманизм и капитализм, а с другой — предлагаются способы преодоления ее сущностных изъянов в свете персоналистически-социалистического идеала общества. Автор статьи подчеркивает актуальность социально-философских идей Бердяева в контексте новейших исторических реалий.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев; техника; человек; личность; персоналистический социализм; метафизика техники; социология техники; социальная философия; философия истории; эсхатология.

Для цитирования: *Малинкин А.Н.* Социология и метафизика техники Н.А. Бердяева. К 150-летию русского мыслителя // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 124–138. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.6 EDN: OQQHOU

Введение

В год 150-летия великого русского философа Н.А. Бердяева мы выбрали из его богатого идейного наследия, на наш взгляд, наиболее злободневную тему. Тот факт, что она не раз попадала в поле зрения исследователей, нисколько нас не смущает, ибо не лишне указать на те идеи и прозрения Бердяева, которые так и не получили в нашей стране должного отклика в плане их *социально-философского развития*, не говоря уже об *адекватных политических решениях в общественной практике*. Те метафизические уроки, что Бердяев извлек в XX в., не пошли нам на пользу — они были опрометчиво проигнорированы. К сожалению, не только нами, но и всеми индустриально развитыми странами.

Неудивительно поэтому, что проблемы, связанные с противостоянием человека и машины, личности и техники, в XXI в. усугубились и приобрели ранее невиданную остроту. С одной стороны, явно нарастает отчуждение человека от своей «внутренней» природы под влиянием новейших технических достижений, принимая нередко крайне извращенные формы. С другой стороны, негативные последствия взаимодействия человека и машины для окружающей среды («внешней» природы) становятся все более угрожающими, приобретая планетарные масштабы. Э.П. Головкин справедливо отмечает, что размышления Бердяева на этот счет, «недооцененные до сего дня, актуальны как никогда» [8, с. 69].

На первый взгляд может показаться, что интерес Бердяева к технике имел эпизодический характер. Но это, конечно, не так. В статье мы постараемся объяснить, почему вопрос о технике и технизации социальной жизни был для него принципиально важным. «Машина имеет огромное не только социологическое, но и космологическое значение, и она ставит с необычайной остротой проблему судьбы человека в обществе и космосе», — писал русский философ [7, с. 508].

Проблему техники Бердяев затрагивал еще в ранней работе «Философия свободы» (1911) [4]. В последующих работах он всегда, когда писал о современном капитализме, о буржуазном (и советско-коммунистическом) общественном строе, упоминал безбожную, бездушную «техническую цивилизацию», уничтожающую духовные основы общества и высокую культуру. Правда, при этом он всегда отмечал и положительную миссию техники: она уменьшила зависимость человека от природы, избавила его от патриархальных социальных уз, освободила сознание от веры в духов и демонов и т. п. «Как это ни парадоксально покажется, — писал Бердяев, — но нужно сказать, что именно христианство расчистило духовно почву для развития научного естествознания и техники. Христианство освободило языческий мир от демономании, изгнало демонов из природы, механизировало природу и тем открыло путь для подчинения природы» [4, с. 62].

Пассажи о технизации человеческой жизни и мышления (в том числе философского) рассыпаны едва ли не по всем книгам и статьям

Бердяева. Эссе «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)» [7], опубликованное в журнале «Путь» в 1933 г., выделяется на фоне остальных его публикаций тем, что целиком и полностью посвящено проблеме техники. В нем русский мыслитель сосредоточил внимание только на этой теме. Вот почему именно его содержание стало предметом нашего анализа. В эссе, в частности, Бердяев выразил недоумение, почему до сих пор не была создана философия техники и машины¹. Для создания такой философии уже многое подготовлено, констатирует он, но не сделано самое главное: техника не осознана как духовная проблема, как судьба человека. «Машина рассматривается лишь извне, лишь в социальной проекции. Но изнутри она есть тема философии человеческого существования (*Existenzphilosophie*)» [7, с. 508]. Свою метафизику техники Бердяев рассматривает как первый шаг в построении христианской философии техники.

Сразу поясним, что понятие техники Бердяев наделял самым широким смыслом: «Мы говорим не только о технике экономической, промышленной, военной, о технике, связанной с передвижением и комфортом жизни, но и о технике мышления, стихосложения, живописи, танца, права, даже о технике духовной жизни, мистического пути. Так, например, йога есть своеобразная духовная техника. Техника повсюду учит достигать наибольшего результата при наименьшей трате сил. И такова особенно техника нашего технического, экономического века» [7, с. 500]. Итак, техника для Бердяева — не только инструменты, производственные технологии, но и все, что является для человека средством². Стало быть, техника — это для него также формы и спо-

¹ Мнение Бердяева, что до 1933 г. не было философии техники, конечно, небесспорно. Он сам тут же ссылается на книгу Ф. Дессауэра «Философия техники» (1927) и оценивает ее как «опыт философии техники». Но еще в середине XIX в. появилась философия техники Р. Каппа. Если предположить, что Бердяев имел в виду только *религиозную* философию техники, тогда странным выглядит игнорирование им книги С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» (1912), где техника и технология (проектирование, моделирование) исследуются как части трудовой и хозяйственной деятельности, а также работы немецкого епископа Г. Лилье «Техническая эпоха» (1928). Заслуживает внимания и точка зрения, что в нашей стране философия техники была основана П.К. Энгельмейером, который сформулировал основные положения исследовательской программы по философии техники в 1929 г. [11]. Впрочем, вопрос о персональных приоритетах в создании философии техники как особого предметного направления философской мысли выходит за рамки нашей статьи.

² Техника, согласно Бердяеву, может быть самоценностью и самоцелью лишь в одном случае: «Конечно, техника для ученого, делающего научные открытия, для инженера, делающего изобретения, может стать главным содержанием и целью жизни. В этом случае техника как познание и изобретение получает духовный смысл и относится к жизни духа» [7, с. 501]. Добавим: другим исключением может быть коллекционирование технических изделий, индивидуально-частное и музейное.

собы социальной организации, и то, что мы называем сегодня «социальными технологиями». Современность Бердяев квалифицирует как «техническую эпоху», иногда как «техническую и экономическую».

Головокружительные успехи науки и техники в XIX в. способствовали успешному развитию человеческой цивилизации, пишет Бердяев, да так, что их достижения стали основой гуманистической веры в «прогресс». «Техника есть единственная сфера оптимистической веры современного человека, самое большое его увлечение», — говорил он, выступая с докладом «Духовное состояние современного мира» на съезде лидеров Мировой христианской федерации в мае 1931 г. [6, с. 488]. Но с началом Первой мировой войны радость по поводу достижений науки и техники все чаще стала омрачаться негативными последствиями их использования в общественной практике. Одновременно техника начала играть в духовной культуре чрезвычайно важную, но далеко не однозначную роль.

Метафизика техники

Бердяев полагал, что техника — а точнее говоря, «вера в технику, в ее мощь и ее бесконечное развитие» — стала для современного человека эрзацем, заменившим не только религию, но даже и гуманистическую веру в самого себя [7, с. 499–500]. Техника подменила собой Бога. От нее ждут чудес, делают из нее идола, кумира. Естественная потребность людей верить в некую высшую силу утоляется современным человеком превратно. Он обращается не к наследию мировых религий — а среди них именно христианство, как полагал Бердяев, выделяется своим эмансипационным потенциалом, содействующим развитию духовно-творческого (личностного) начала в человеке, — а к якобы всемогущей технике, способной творить чудеса. Люди бессознательно наделяют технику той высшей ценностью, которая может принадлежать, согласно Бердяеву, исключительно Богу. «Человек так устроен, что он может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры. <...> Отпадая от веры в Бога, он впадает в идолатрию» [6, с. 487].

Первый аспект проблемы «метафизики» техники Бердяева состоит в изобличение кумира, созданного современным человеком. Христианский философ предупреждает об угрозах, возникающих из-за слепого ему поклонения, указывает надлежащие место и роль техники в общественной жизни людей. Как известно, сотворение кумира не остается безнаказанным: человек становится рабом своего кумира, то есть рабом той самой техники, которая создавалась им, чтобы освободиться от тяжелого физического труда, обеспечить бытовые удобства, духовно возвыситься как личность. Между тем в техническую и экономическую эпоху наблюдаются еще большее, чем ранее, отчуждение человека от человека, душевное и духовное опустошение, деградация личности. Техника из средства превратилась в псевдорелигиозный предмет веры, надежды, любви и, следовательно, в ложную цель. Бердяев винит в этом западноевропейский гуманизм, предав-

ший забвению свои христианские корни. «Возвышает человека лишь сознание, что человек есть образ и подобие Божие, то есть духовное существо... Самоутверждение человека приводит к самоистреблению человека. Такова роковая логика гуманизма» [2, с. 25].

Обольщение кумиром привело к подмене цели средством ее достижения. Одно из современных определений человека как *homo faber* (существо, изготавливающее орудие), воспроизводящее определение Б. Франклина *toolmaking animal* (животное, производящее орудия), уже свидетельствует о фундаментальной подмене целей жизни средствами жизни, констатирует Бердяев. Такое поверхностное, иллюзорное понимание человеком самого себя — следствие извращения вечного, данного Богом порядка ценностей, которое угрожает всей человеческой культуре. «Мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связано самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели» [7, с. 502].

Второй аспект метафизической проблемы техники состоит в том, что человек вызвал к жизни «новую действительность». Бердяев понимает ее двояко: с одной стороны, как новую *культурно-историческую* эпоху (технически-машинную), а с другой — как новое *реально-историческое* бытие, которое включает не только новую материальную и вещную среду (в виде самой техники и всего, что ею создано), но и ментально преобразованный и по-новому социально организованный человеческий материал. Человечество с помощью техники покоряет и трансформирует природу в планетарном масштабе. Оно преодолевает пространство и время, отрывается от Земли, выходит в стратосферу, становится создателем новой космической реальности. Здесь Бердяев идейно сближается с концепцией «ноосферы» (одухотворенного космоса) В.И. Вернадского и его взглядом на человечество как мощный геологообразующий фактор. «Техника делает человека космиургом», — пишет он [7, с. 505].

Первым делом Бердяев проводит онтологическое различие между *организмом* и *организацией*, называя его «основным для нашей темы». При этом он отталкивается, с одной стороны, от виталистической трактовки организма Г. Дриша, а с другой — от инженерно-философской концепции Ж. Лафита³. Оба понятия русский мыслитель трактует предельно широко. В истории, пишет он, были «организованные тела, подобные жизни

³ Бердяев ссылается на французский перевод книги Дриша о философии организма и книгу Лафита “*Reflexions sur la science des machines*” («Размышления о теории машин», 1932). В последней автор, гражданский инженер, предпринимает попытку обрисовать в общих чертах науку «машинологию», дать всесторонний анализ эволюции техники от пассивных машин (посуда, одежда, дома) до «активных», или «рефлексивных», машин (таких, например, как преобразователи энергии, самоуправляемые устройства и т. п.).

организмов». Так, органическими и даже вечными в этой своей органичности представлялись патриархальный строй, натуральное хозяйство. Органический общественный строй считался созданием не человека, а самой природы или Бога. Но ни натурализм, ни эволюционизм, ни органицистский подход в социологии (когда общества рассматривались по аналогии с живыми организмами) не раскрывают метафизический аспект техники, справедливо утверждает Бердяев.

Дело в том, что благодаря технике — как следствие, все более рациональной организации жизни — в истории человечества возникла «новая действительность»⁴. «С этим связан смысл всей технической эпохи, — пишет он. — *Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности*. С точки зрения органической жизни техника означает развоплощение, разрыв в органических телах истории, разрыв плоти и духа. Техника раскрывает новую ступень действительности, и эта действительность есть создание человека, результат прорыва духа в природу и внедрение разума в стихийные процессы. Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные» [7, с. 505]. Этот новый антропоморфный пласт бытия Бердяев называет «сверхфизическим». «Техника имеет космогоническое значение, через нее создается новый космос» [7, с. 508].

Бердяев пишет о том, что на первый взгляд технизация духа и разума может легко представиться их гибелью. Но в действительности проблема гораздо сложнее, ибо «техника так же двойственна по своему значению, как все в этом мире» [7, с. 509]. Он находит позитивный момент в технизации. Отрывая человека от органического лона матери-земли, техника раскрывает перед ним ранее невиданные перспективы по овладению стихиями природы, пространством и временем. «Смысл технической эпохи прежде всего в том, что она заканчивает теллурический период в истории человечества, когда человек определялся землей не в физическом только, но и в метафизическом смысле слова. В этом религиозный смысл техники. Техника дает человеку чувство планетарности земли, совсем иное чувство земли, чем то, которое было свойственно человеку в прежние эпохи» [7, с. 510]. Техника дает человеку чувство его собственной мощи, она раскрывает человеческий «титанизм». «Человек впервые делается, наконец, царем и господином земли, а может быть, и мира» [там же].

О третьем аспекте метафизики техники Бердяева речь пойдет ниже.

⁴ Эту идею высоко оценил И.А. Ильин: «Н.А. Бердяеву принадлежит блестящая мысль, что машина есть третья форма материального бытия: ни органическая, ни неорганическая, но “организованная”. Сюда же примыкают идеи Лафита» [10, с. 62].

Социология техники

Под «социологией» русский мыслитель подразумевал, конечно, не спекулятивный утопический проект О. Конта, в рамках которого «социология» мыслилась как высшая наука в иерархии наук, а социальную философию и философию истории, то есть то, в лоне чего сам этот проект родился и чем он, по существу, является⁵. Об отношении Бердяева к социологии как «научной» (равно: «позитивной») дисциплине говорят следующие слова: «“Научная” теория истории невозможна и обычно выливается в мертвую и пустую дисциплину социологии — этого богословия позитивистов» [4, с. 177].

Согласно Бердяеву, «социологический» аспект техники раскроется, если выявить культурно-исторические предпосылки и движущие социальные силы, которые в нашу эпоху вознесли технику на недостижимую ранее «метафизическую» высоту. Необходимое аксиологическое мерило он находит в вечном порядке ценностей, данном Богом. Такой подход позволяет ему определить правильное отношение человека к технике и указать человечеству «истинный» путь исторического развития. «Машинизм, торжествующий в капиталистической цивилизации, прежде всего извращает иерархию ценностей, и восстановление иерархии ценностей есть ограничение власти машинизма» [7, с. 518].

Бердяев выделяет «три стадии в истории человечества — природно-органическую, культурную и технически-машинную» [7, с. 502], при этом сразу оговаривается, что речь идет не о временной последовательности, но об идеальных типах, эмпирические прототипы которых перманентно сосуществуют. «Элементы организации существовали с самой зари человеческой цивилизации, как всегда существовали элементы техники, но никогда принцип технической организации не был господствующим и всеобъемлющим, всегда многое оставалось в состоянии органическом, растительном. Организация, связанная с техникой, есть рационализация жизни. Но человеческая жизнь не может быть окончательно и без остатка рационализирована» [6, с. 491]. Получается, что «технически-машинная» стадия если полностью и не заменяет собой две другие, то, во всяком случае, безжалостно их теснит. В этом Бердяев видит трагизм современной эпохи.

Культурно-историческое развитие человечества, согласно Бердяеву, пошло по очень опасному и потенциально гибельному пути, свернуть с которого уже не в состоянии, поскольку не только не хочет отказываться от техники, но и не может. Казалось бы, технически оснащенный человек совершает благое дело, называемое «прогрессом», — органически-иррациональное в обществе заменяет организованно-рацио-

⁵ В приверженности социологии, понимаемой исключительно как наука по образцу естествознания, не меньше идеализма, чем в философии Гегеля. Криптометафизика позитивизма была выявлена и разоблачена Вл.С. Соловьевым еще в 1874 г. На современном гуманитарно-научном языке ее доскональный анализ был дан Ю.Н. Давыдовым [9, с. 64–131].

нальным⁶. Но беда в том, что широкое применение техники порождает в социальной жизни новые иррациональные последствия, невиданные прежде. Так, рационализация промышленности, в результате которой ручной труд заменяется машинным, порождает безработицу — величайшее бедствие нашего времени, констатирует Бердяев. «Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя все буду делать, ты же можешь пропадать. Система Тейлора есть крайняя форма рационализации труда, но она превращает человека в усовершенствованную машину. Машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие. Но человек есть образ и подобие Бога и не может стать образом и подобием машины, не перестав существовать. Здесь мы сталкиваемся с пределами перехода от органически-иррационального к организованно-рациональному» [7, с. 505–506]. Где же проходят границы рациональной организации человеческой жизни?

Эти границы проходят через душу, дух и даже тело (организм) рационального организатора. Он сам не может быть превращен в машину, утверждает Бердяев. «Но организация имеет тенденцию и самого организатора превратить из организма в машину. Самый дух, создавший технику и машину, не может быть технизирован и машинизирован без остатка, в нем всегда останется иррациональное начало. Но техника хочет овладеть духом и рационализировать его, превратить в автомата, поработить его. И это есть титаническая борьба человека и технизируемой им природы» [7, с. 506]. На смену первоначальной «растительно-животной» зависимости человека от природы приходит технически-машинная зависимость, между тем психофизический организм человека сложился в другом мире и не приспособлен к новой технически-машинной среде. Мы еще не знаем, пишет Бердяев, насколько разрушительна для человека та атмосфера, которая создается его собственными техническими открытиями и изобретениями.

Характеризуя эту атмосферу, он отмечает, что разработка медицинских средств спасения жизни и здоровья людей хронически отстает от разработки оружия, иных средств их уничтожения, а также описывает процессы глобализации, распространения демократической формы правления, обезличивания человека, угасания духовности, омассовления культуры, или, по выражению Ортеги-и-Гассета, «восстания

⁶ Немецкий социолог М. Вебер посвятил большую часть своих исследований осмыслению прогрессирующей рационализации общественной жизни, сопровождавшейся с конца позднего Средневековья «расколдовыванием» (десакрализацией) мира. Он не видел этому процессу никакой альтернативы и, не будучи верующим, уповал на личностное противоборство каждого своим «демонам» в протестантском смысле. Бердяев также не видел *реально-исторической* альтернативы рационализации и технизации социальной жизни, но как православный эсхатолог верил в соборное спасение на пути духовной, христианско-персоналистической революции.

масс». Этими тенденциями Бердяев как прирожденный и убежденный аристократ особенно озабочен [6, с. 492–499]. «Техника овладевает огромными пространствами и огромными массами, — пишет он. — Все делается мировым, все распространяется на всю человеческую массу в эпоху господства техники. В этом ее социологический смысл. Принцип техники демократический⁷. Техническая эпоха есть эпоха демократии и социализации, в ней все становится коллективным, в ней организуются коллективы, которые в старых культурах жили растительной, органической жизнью» [7, с. 511].

Все эти социально-исторические тенденции, угрожающие физической и ментальной жизни человека, имеют общий корень: русский мыслитель связывает их прежде всего с возникновением и развитием западноевропейского *капитализма*. «Власть техники и машины связана с капитализмом, она родилась в недрах капиталистического строя, и машина была самым могущественным орудием развития капитализма» [7, с. 521]. Однако он не объявляет капитализм первопричиной этих социально-исторических тенденций. «Техника дает человеку чувство страшного могущества, и она есть порождение воли к могуществу и к экспансии. Эта воля к экспансии, породившая европейский капитализм, вызывает неизбежно к исторической жизни народные массы. Тогда старый органический порядок рушится и неизбежна новая форма организации, которая дается техникой» [7, с. 511].

Таким образом, Бердяев не делает капитализм ответственным за все людские беды. Он ясно дает понять, что капитализм — не единственная и не главная причина описываемых негативных реально- и культурно-исторических тенденций. Капитализм внес, конечно, большой вклад в их формирование, но он и сам — следствие. Для «персоналистического социалиста», каковым считал себя Бердяев, первопричина лежит в человеке. «И вот трагедия в том, что творение восстает против своего творца, более не повинуется ему. Тайна грехопадения — в восстании твари против Творца. Она повторяется и во всей истории человечества. Прометеевский дух человека не в силах овладеть созданной им техникой, справиться с раскованными, небывальными энергиями. Мы это видим во всех процессах рационализации в техническую эпоху, когда человек заменяется машиной» [7, с. 505].

Итак, *третий* аспект метафизической проблемы техники смыкается с ее философско-историческим («социологическим»), или, точнее говоря, *эсхатологическим*, истолкованием. На вопрос, в чем главная опасность, которую несет машина для человека, Бердяев отвечает: «Я не думаю, чтобы это была опасность главным образом для духа и духовной жизни. Машина и техника наносят страшные поражения

⁷ Заметим от себя, что верно и обратное: если очистить понятие «демократия» от политически-идеологических наслоений, останется только техническая форма, или, точнее говоря, определенный комплекс социальных технологий управления государством.

душевной жизни человека и прежде всего жизни эмоциональной, человеческим чувствам. Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации» [7, с. 513]. «Техника менее опасна для духа, хотя это на первый взгляд может удивить, — пишет он. — <...> Религиозный смысл современной техники именно в том, что она все ставит под знак духовного вопроса, а потому может привести и к одухотворению. Она требует напряжения духовности» [7, с. 514].

Бердяев прибегает к парадоксальной логике, аналогичной той, что выражена в афоризме Ницше: «Что не убивает меня, делает меня сильнее». Однако красивость этой фразы не делает ее смысл бесспорным. Бердяев уповае на то, что «игра на повышение», которую, условно говоря, веде научно-технический прогресс, в конце концов предельно мобилизует духовные силы человека — и произойдет то, что он называет «одухотворением». Да, осознание того, что тотальная рационализация и технизация жизни погубят человечество, действительно, может вызвать противодействие духа. Но может и не вызвать. Либо вызвать у немногих. По прошествии 90 лет наблюдается последнее.

Как бы то ни было, русский мыслитель прав, на наш взгляд, в главном: духовно-нравственное состояние человека, его самосознание как личности становятся в современном мире решающим фактором исторического развития. «Когда человеку дается сила, которой он может управлять миром и может истребить значительную часть человечества и культуры, тогда все делается зависящим от духовного и нравственного состояния человека, от того, во имя чего он будет употреблять эту силу, какого он духа, — рассуждает Бердяев. — Вопрос техники неизбежно делается духовным вопросом, в конце концов религиозным вопросом. От этого зависит судьба человечества» [7, с. 514]. Как христианский философ Бердяев отвергает в своей эсхатологии не только детерминизм, но и фатализм. При этом он ориентируется на «философию общего дела» Н.Ф. Федорова.

Обращаясь к идеям Федорова, Бердяев дает им собственную интерпретацию. Термин «христианский социализм» он считал менее подходящим для характеристики своей философии истории и своего социально-философского идеала будущего общества. Бердяев предпочитал термин «*персоналистический социализм*». Он признает частичную правоту русского коммунизма, так как, по его мнению, он «есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи», и формулирует свой идеал так: «Христианство представляется мне соединимым лишь с системой, которую я назвал бы системой *персоналистического социализма, соединяющего принцип личности как верховной ценности с принципом братской общности людей*. При этом необходимо делать различие, которого не делает коммунизм, различие между осуществлением справедливости в общественной жизни, предполагающим момент принуждения, и осуществлением братства людей, их подлинного общения или коммуникации, предполагающим свободу человека и действие благодати» (курсив наш. — А. М.) [3, с. 152].

Идеи же Федорова интересны Бердяеву потому, что веру в мощь техники Федоров парадоксальным образом соединял с православно-христианским духом, прямо противоположным тому, который господствует в техническую эпоху. «Он ненавидел машинизм современной цивилизации, ненавидел капитализм, созданный блудными сынами, забывшими отцов. У него есть формальное сходство с Марксом и коммунизмом, но при полной противоположности духа. Н. Федоров один из немногих в истории христианской мысли, почти единственный, который преодолел пассивное понимание апокалипсиса. Апокалипсис есть откровение об исторических судьбах человека и мира и о конце, о конечном исходе. Но откровение это нельзя понимать детерминистически и фаталистически. Конец, страшный суд и вечная гибель многих совсем не предопределены божественной или природной необходимостью, совсем не фатальны. Человек свободен и призван к активности, конец зависит и от него. Апокалиптические пророчества условны» [7, с. 520].

Христианское человечество должно соединиться для общего дела, утверждает Бердяев, — ради овладения стихийными силами природы, ради «победы над смертью». Оно должно создать «царство христиански одухотворенного труда», преодолеть «дуализм теоретического и практического разума, умственного и физического труда». Цель — осуществить «христианское братство и любовь во всей полноте жизни», «победить смерть силой христианской любви и силой науки и техники». Если цель не будет достигнута, придет царство антихриста, наступит «конец мира, страшный суд и все, что описывается в апокалипсисе». Большевицкая Россия, ввергнутая в «социальную идолатрию»⁸, является негативным примером отношения к технике, считает Бердяев.

«Коммунизм целиком принимает от капиталистической цивилизации этот гипер-машинизм и техницизм и создает настоящую религию машины, которой поклоняется, как тотему. Бесспорно, если техника создала капитализм, то она же может способствовать преодолению капитализма и созданию иного, более справедливого социального строя. Она может стать могущественным орудием в решении социального вопроса» [7, с. 521]. Но тогда, делает оговорку Бердяев, все будет зависеть опять-таки от духовно-нравственного состояния человека. Коммунизм же подчиняет проблему человека как целостного душевно-телесного существа проблеме общества. Это означает, что общество организует человека, а не человек — общество. Правда заключается в обратном, уверен Бердяев: «...человеку принадлежит примат, человек должен организовывать общество и мир, и организация эта будет зависеть от того, каков человек, какого он духа. И человек берется тут не только как индивидуальное существо, но и как социальное существо, имеющее социальное призвание» [7, с. 521].

⁸ «Коммунизм есть крайняя форма социальной идолатрии» [6, с. 487].

Заключение

Нельзя сказать, что проблема техники является центральной в философии общества и истории Бердяева; главной для него всегда была проблема человека как личности, которую он рассматривал в свете своего истолкования христианского вероучения. Однако проблема техники — не просто важная, это *неотъемлемая и существенная* часть его социальной философии, философии истории и эсхатологии. Связь техники с духовной культурой человека стала осознаваться в XX в. и тем более яснее в XXI в. на фоне ошеломительного прогресса науки, упадка религиозной веры в традиционных конфессиях, распространения терроризма, сатанизма, тоталитарного сектантства, снижения культурного канона, деградации искусства, кризиса традиционной семьи, падения социальной морали, бытовых нравов и т. д. Эти и связанные с ними социокультурные тенденции Бердяев с горечью констатировал уже в начале XX в.

В наши дни никому не придет в голову оспаривать острую актуальность вопроса об отношении человека к технике и стоящей за ней науке. Политические, экономические, юридические, социокультурные и другие проблемы, возникающие в результате массового использования мобильной телефонии, Интернета, цифровых технологий и т. д., являются серьезным вызовом для государственной власти, правоохранительных органов, простых граждан. «Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальнейших реальностей» [5, с. 420] — эти слова Бердяева, опубликованные им в 1924 г., будто сказаны сегодня. Внедрение в социальные коммуникации искусственного интеллекта, технологий “deep fake”, все более широкое применение к человеку генетических и биологических технологий ставят перед людьми трудноразрешимые социально-этические и моральные проблемы.

Молодые люди пребывают сегодня уже не в той *повседневности*, в которой еще недавно жили их родители и которая имела прочную основу в общей для всех реальной действительности, но в двух интенсивно проникающих друг в друга и взаимовлияющих социокультурных реальностях — действительной и виртуальной. Причем последняя оказывается для многих — в силу их трудовой деятельности или досужих увлечений — более значимой, расценивается как приоритетная, даже как более «настоящая». Фактически многие «живут» в ней. Но вместо «ноосферы» мы приобрели пока лишь «инфосферу», «блогосферу», «порносферу», тираническую социально-сетевую охлократию, засилье провокационных «фальшивых новостей» и лицемерной политкорректности. Такие явления, как клонирование, смена пола, введение внутрь тела (в пределе — в мозг) дистанционно контролируемых чипов, экспоненциальный рост искусственных когнитивных систем (искусственного интеллекта) и т. п., — все это свидетельствует о том, что сбывается кошмарный сон, о котором писал Бердяев [7, с. 515]. Происходит встречное движение: машины все больше приближаются

во всех отношениях к людям, постепенно вытесняя их и получая над ними господство, а человек принимает образ и подобие машины, все в большей мере приобретая черты киборга.

И везде высшей и последней инстанцией в отношении к новым социокультурным реалиям, рожденным из героического прометеевского духа, оказываются *духовно-нравственные ценности* тех, кто принимает решения, — властно-политические, хозяйственно-экономические, социально-культурные, наконец, индивидуально-личные.

Бердяев писал: «Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и Человека — вот что опытно обнаруживает наше время» [5, с. 413]. В другом месте он раскрывает тему с точки зрения преступления людьми данного Богом порядка ценностей: «Человек имеет непреодолимую склонность к идолотворению, и он создает идола государства, нации, социального коллектива, техники, которым приносит кровавые человеческие жертвы» [1, с. 44–45]. Ключевые слова здесь: «опытно» и «кровавые человеческие жертвы». То, что Бердяев говорил почти 100 лет назад, так же верно и сейчас.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru

Research Article

*ALEXANDER N. MALINKIN*¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

SOCIOLOGY AND METAPHYSICS OF TECHNIQUE BY N.A. BERDYAEV.

TO COMMEMORATE THE 150TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN THINKER

Abstract. The article examines the social philosophy of technique by N.A. Berdyaev, which he positions as Christian-personalistic-socialistic. Its main provisions are reconstructed, “metaphysical” and “sociological” aspects are identified. It is shown, firstly, that Berdyaev refers to metaphysics of technique as a criticism of the modern idea of man considering himself to be “homo faber” or a “tool-making animal”, which arose as a result of him violating the eternal order of values and idolizing technique. Secondly — that, according to Berdyaev, technique creates an ontologically “new reality”, which, in turn, determines the specifics of the modern “technical and economic” era. Thirdly, that a correct from a Christian standpoint, spiritualized attitude of man towards technique is a necessary and essential element of Berdyaev’s apocalyptic eschatology. Sociology of technique is interpreted by the Russian thinker as social philosophy and philosophy of history. In their light, on the one hand, the cultural and real-historical prerequisites for the emergence of the “technical” era are revealed — Berdyaev considers humanism and capitalism to be such, respectively — on the other hand, ways are proposed to overcome its essential flaws in the light of the personalistic-socialistic ideal of society. At the beginning of the article

and at the conclusion the author emphasizes the relevance of Berdyaev's philosophical ideas in the context of recent historical realities.

Keywords: N.A. Berdyaev; technique; Human; personality; personalistic socialism; metaphysics of technique; sociology of technique; social philosophy; philosophy of history; eschatology.

For citation: Malinkin, A.N. Sociology and Metaphysics of Technique by N.A. Berdyaev. To commemorate the 150th Anniversary of the Russian Thinker. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 124–138. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.6

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бердяев Н.А.* О социальном персонализме. (К критике «Нового Града») // Новый Град / Под. ред. И. Бунакова и Г. Федотова. Кн. 7. Париж, 1933. С. 44–60.
Berdyaev N.A. On Social Personalism. To the criticism of “New City”. *Novyi Grad*. [New City]. Ed. by I. Bunakov, G. Fedotov. No. 7. Paris, 1933. P. 44–60. (In Russ.)
2. *Бердяев Н.А.* Проблема человека (к построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50. С. 3–26.
Berdyaev N.A. The Problem of Human. (Towards the Construction of Christian Anthropology). *Put'*. 1936. No. 50. P. 3–26. (In Russ.)
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. — 159 с.
Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. [Origins and Meaning of Russian Communism.] Paris: YMCA-PRESS publ., 1955. 159 p. (In Russ.)
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Вступ. статья, сост., подготовка текста, прим. Л.В. Полякова. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 10–250.
Berdyaev N.A. Philosophy of Freedom. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*. [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity.] Foreword and ed. by L.V. Polyakov. Moscow: Pravda publ., 1989. P. 10–250. (In Russ.)
5. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. I. / Н.А. Бердяев; вступ. статья, составление, прим. Р.А. Гальцевой. М.: Изд-во «Искусство»; ИЧП «Лига», 1994. С. 406–485.
Berdyaev N.A. New Middle Ages. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v dvukh tomakh*. [Philosophy of Creativity, Culture and Art in Two Volumes.] Vol. 1. Foreword and ed. by R.A. Galtseva. Moscow: Art publ.; ICHP “League” publ., 1994. P. 406–485. (In Russ.)

6. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Н.А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. 1.* / Н.А. Бердяев; вступ. статья, составление, прим. Р.А. Гальцевой. М.: Изд-во «Искусство»; ИЧП «Лига», 1994. С. 485–499.
Berdyayev N.A. *Spiritual State of the Modern World. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v dvukh tomakh.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art in Two Volumes.] Vol. 1. Foreword and ed. by R.A. Galtseva. Moscow: Art publ.; ICHP “League” publ., 1994. P. 485–499. (In Russ.)
7. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Н.А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. 1.* / Н.А. Бердяев; вступ. статья, составление, прим. Р.А. Гальцевой. М.: Изд-во «Искусство»; ИЧП «Лига», 1994. С. 499–523.
Berdyayev N.A. *Human and Machine. (Problem of Sociology and Metaphysics of Technique). Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v dvukh tomakh.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art in two volumes.] Vol. 1. Foreword and ed. by R.A. Galtseva. Moscow: Art publ.; ICHP “League” publ., 1994. P. 499–523. (In Russ.)
8. Головкин Э.П. Н.А. Бердяев о кризисе человека, человечности и природы // *Лесной вестник.* 2011. № 2. С. 68–72.
Golovko E.P. N.A. Berdyayev about the Crisis of Human, Humanity and Nature. *Lesnoy vestnik.* 2011. No. 2. P. 68–72. (In Russ.)
9. Давыдов Ю.Н. Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе (Конт и Гегель) // *История теоретической социологии.* В 4-х т. Т. 1. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2002. С. 63–140.
Davydov Yu.N. *Comte and the Speculative Version of the Positive Science of Society (Comte and Hegel). Istoriya teoreticheskoy sotsiologii.* [History of Theoretical Sociology.] In 4 Vols. Vol. 1. Ed. and select. by Yu.N. Davydov. Moscow: Canon+ publ.; OI “Reabilitatsiya” publ., 2002. P. 63–140. (In Russ.)
10. Ильин И.А. Техника и христианство // *Новый Град.* 1933. Кн. 7. Париж. С. 61–65.
Ilyin I.A. *Technology and Christianity. Novyy Grad.* [New City.] 1933. No. 7. Paris. P. 61–65. (In Russ.)
11. *Философия техники* / Новосиби. гос. аграр. ун-т, Юрид. фак.; Авт.-сост.: М.А. Назарова, С.И. Черных. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 26.01.2024. URL: <https://lektsii.org/18-63182.html>
Philosophy of Technique. [Filosofiya tekhniki.] Ed. and select. by M.A. Nazarova, S.I. Chernykh. Novosibirsk: ITs NGAU “Zolotoi kolos” publ., 2018. Accessed 01.26.2024. URL: <https://lektsii.org/18-63182.html> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.01.2024; поступила после рецензирования и доработки: 02.03.2024; принята к публикации: 13.05.2024.

Received: 28.01.2024; revised after review: 02.03.2024; accepted for publication: 13.05.2024.